

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ****ДИАНА ГАЗАРОВА**

В статье рассматриваются личные местоимения в аспекте их прагматического и манипулятивного потенциала, реализуемого в политическом дискурсе. Несмотря на основное дейктическое значение, личные местоимения выполняют различные функции в политическом дискурсе. Главная их особенность – это то, что они являются одним из основных способов эффективного манипулирования обществом. На выбор политика того или иного местоимения влияют различные факторы: политические, геополитические, социальные, психологические и др. Использование местоимений делает речь политика более выразительной, более экспрессивной, а главное – более действенной в процессе достижения главной цели политического дискурса – борьбы за власть/сохранения власти. Личные местоимения выражают самые разнообразные значения в политическом дискурсе, вплоть до прямо противоположных. Так, например, личное местоимение *мы* может выражать как идею единства и солидарности (инклюзивное *мы*), так и, наоборот, идею разделения и отдаления (эксклюзивное *мы*). Личные местоимения способствуют реализации и экспликации дихотомии «свой-чужой» – важнейшей составляющей политического дискурса. Личные местоимения наделяются в политическом дискурсе оценочными коннотациями и выражают один из главных постулатов политического дискурса: «свое (мы, наше) – хорошо, а чужое (они, их) – плохо». Личные местоимения помогают политику внушить народу/электорату, что его, народа, интересы учитываются; что политик и народ едины, что у политика и народа общие интересы, все это усиливает речевое и эмоциональное воздействие на электорат.

Ключевые слова: *политический дискурс, личные местоимения, «свой-чужой», инклюзивное мы, эксклюзивное мы*

PRAGMATIC AND MANIPULATIVE POTENTIAL OF PERSONAL PRONOUNS IN POLITICAL DISCOURSE**DIANA GAZAROVA**

The article considers the pragmatic and manipulative of personal pronouns in political discourse. Despite the main deictic meaning, personal pronouns perform different functions in political discourse. Their main feature of pronouns is that they are the main factors of manipulating society. The choice of politics or other pronouns of the properties depends on various factors: political, geopolitical, social, psychological, etc. The use of pronouns makes the politician's speech more expressive and, what is the most important, more effective in the process of achieving the main goal of political discourse - a struggle for power/preservation of power. Personal pronouns express a wide variety of meanings in political discourse, up to the exact opposite. So, for example, the personal pronoun *we* can express both the idea of unity and solidarity (inclusive *we*),

and, conversely, the idea of separation and distancing (exclusive *we*). Personal pronouns contribute to the implementation and explication of the dichotomy “friend or foe” - the most important component of political discourse. Personal pronouns have in political discourse evaluative connotations and express one of the main postulates of political discourse: “friend (*we, ours*) is good, and foe (*they, theirs*) is bad. Personal pronouns help the politician to inspire the people / electorate that the people's interests are taken into account; that the politician and the people are united, that they have common interests, and all this enhances the verbal and emotional impact on the electorate.

Keywords: *discourse, personal pronouns, “friend or foe”, inclusive “we”, exclusive “we”*

Введение

Семантическое своеобразие местоимений давно осознается лингвистами. М.А. Шелякин называет местоимения самой эгоцентрической подсистемой языка. (Шелякин, 1978, с.22). Выражая самые разные значения, в дискурсе местоимения «приобретают особую систему свойств при рассмотрении их в комплексе семантико-прагматических и когнитивно-дискурсивных признаков». (Синельникова, 2020, с.260).

В организации дискурса местоимения выполняют следующие основные функции: оформление цепной связи между предложениями, анафорических и катафорических связей. В основном это касается личных и указательных местоимений. Лингвисты, в частности лингвополитологи, отмечают особую функциональную нагрузку, которой наделяются личные местоимения в политическом дискурсе. Манипулятивность является отличительной особенностью политического дискурса, наряду с его оценочностью, экспрессивностью. Местоимения вообще и личные местоимения в частности – одно из самых эффективных средств манипуляции.

Излюбленная сфера манипуляций с *мы* – политические лозунги, публицистика, массовая песня. Контексты типа *Мы требуем... Мы не позволим, чтобы... Мы ждем от мировой общественности поддержки..., Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, Нам нет преград ни в море, ни на суше..., Нам песня строить и жить помогает...* содержат в себя «презумпцию включенности в коллектив», они навязывают носителю языка образ некоего изначального социума, частицей которого он является. *Мы* становится инструментом идеологической суггестии, воздействия на людей, воспитания «винтиков» государственной машины. Не случайно одна из самых известных антиутопий, повествующих о жестко регламентированной жизни людей в условиях тоталитарного государства, так и называется – «Мы». (Норман, 2009, сс.59-60).

В политическом дискурсе бывают задействованы самые разнообразные языковые приемы, цель использования которых – сохранение власти посредством воздействия на адресата, убеждения, стремления добиться голоса на выборах, решить свои политические задачи и т.д. В системе лингвистических средств, используемых для реализации главной функции по-

литического дискурса – воздействия и убеждения, личные местоимения занимают особое и уникальное место.

В политическом дискурсе местоимения являются одним из основных средств манипулирования общественным мнением, способом выражения оценки, относительной неопределенности. В речи политиков местоимения выполняют самые различные функции: личные и притяжательные местоимения способствуют реализации и экспликации дихотомии «свой-чужой», указательные и неопределенные местоимения выражают категорию определенности/неопределенности, а также являются средствами выражения и усиления оценки говорящим того или иного события. Использование местоимений делает речь политика более эмоциональной, более выразительной, более общественно-ориентированной. Местоимения помогают политику выстроить нужную модель отношений с электоратом, апеллируют к эмоциям слушателей. На выбор политиком того или иного местоимения влияют самые различные факторы: политические, геополитические, социальные и др.

Личные местоимения ярче всего осуществляют манипулирование общественным мнением благодаря своим референциальным свойствам. Ведь особенностью личных местоимений является их ситуативность и нефиксированность референта. Как писал еще Эмиль Бенвенист в своем труде «Общая лингвистика»:

Каждый речевой акт употребления имени имеет референцию с постоянным и «объективным» понятием, которое может быть виртуальным или актуализироваться в представлении индивидуального объекта, оставаясь всегда идентичным. Но речевые акты употребления *я* не образуют единого класса референции, так как «объекта», определяемого в качестве *я*, с которыми могли бы идентично соотноситься эти акты, не существует. Каждое *я* имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности. (Бенвенист, 1974, с.286).

Именно эта нефиксированная референтность (в основном это касается местоимений множественного числа), ситуативность и позволяет политикам каждый раз по-своему наполнять семантику личных местоимений для решения собственных политических задач. В статье мы рассмотрим лингво-прагматические особенности личных местоимений I лица в политическом дискурсе и их манипулятивный потенциал. Одно и то же личное местоимение, например, личное местоимение I лица множ. числа *мы*, может выражать самые разные значения, в частности, *мы* имеем в виду инклюзивное и эксклюзивное использование данного местоимения, играющего важную роль в организации политического дискурса и достижении его цели. Личные местоимения являются яркими экспликаторами дихотомии «свой-чужой», одной из основополагающих в политическом дискурсе.

Иллюстративный материал был собран на сайте www.kremlin.ru, где

размещены в том числе и стенограммы публичных выступлений российских политиков.

Основная часть

• Местоимение я

На выбор политика в пользу местоимения *я* или *мы* влияет и опыт, стаж политика: «У человека, который недавно занял позицию политического лидера, стал первым лицом государства, меняется язык. У молодых политиков чаще звучит местоимение «я», поскольку слово «я» связано с большим вниманием к себе, озабоченностью, тревогой, внутренними мыслями и чувствами. Опытные политические лидеры чувствуют себя комфортнее и чаще используют в речи местоимение «мы», нежели «я». (Касаткин, Романенко, 2019, с.170).

Референтом личного местоимения *я* всегда является выступающий, с помощью местоимения политики могут представить себя в положительном, выгодном свете, свои лучшие качества: *Тот же «Новатэк», который Вы упомянули, – они же у нас лидеры по производству СПГ. У них и на севере... Я там был, кстати. Естественно, здесь мало, наверное, кто был там, но я был.* (В. Путин, Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года); *Конечно, можно здесь поругивать Центральный банк. Я знаю – я же каждый день в контакте с коллегами, скажем, из реального сектора экономики, – знаю, как они ругаются на Центральный банк, и знаю их аргументы. Почти каждый день, поверьте, просто по телевизору не показываем: на три метра люди садятся от меня, мы беседуем. Показывают только незначительную долю моих контактов и встреч, когда мы под камеры с людьми работаем, а так практически каждый день я встречаюсь, и совещания проводим.* (В. Путин, Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2021 года), *Мы со многими поддерживаем отношения в течение длительного времени, и я знаю настроения многих наших руководителей компаний и собственников* (В. Путин, Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2022 года).

В приведенных примерах с помощью местоимения *я* политик подчеркивает свои преимущества, компетенции и навыки, важные для электората и для государства. Если в случае с молодыми и неопытными политиками местоимение *я* свидетельствует об их сосредоточенности на себе и своих интересах, то политики со стажем используют местоимение *я* для того, чтобы подчеркнуть свои преимущества перед оппонентами и свою исключительность, тем самым акцентируя то, что электорат не ошибся с выбором.

С другой стороны, используя личное местоимение *я*, политик старается и защитить себя, указав на некоторую сферу, в которой у него недостаточно информации и знаний:

Очень, честно говоря, интересно, для меня неожиданно абсолютно. Я этого, откровенно говоря, никогда не слышал. Только знаю, что, безусловно, нужно заниматься техникой, приборной базой, совершенствовать всё это (В. Путин, Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года).

Таким образом, личное местоимение усиливает личностный момент и свидетельствует о личной ответственности и в то же время – говорящий старается обезопасить себя именно как представителя политической единицы (партии, штаба, правительства и т.д.):

Вы все люди грамотные, добившиеся уже определённых результатов в тех сферах деятельности, которыми вы занимаетесь, и я сразу хочу принести свои извинения, если не смогу ответить на какие-то ваши вопросы (В. Путин, Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года).

Использование местоимения я создает впечатление более личного дискурса, когда политик представляет взгляд на ту или иную проблему изнутри. Такой дискурс может усилить воздействие политика на электорат.

Для меня, хочу подчеркнуть, мероприятия подобного рода не являются формальными, я придаю им большое значение (В. Путин, Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина, 17 декабря 2020 года); *Вам может показаться это странным: я не вмешиваюсь в работу Центрального банка, но оцениваю её положительно и полагаю, что, в принципе, мы находим золотую середину* (В. Путин, Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2021 года); *Но я так понял из разговоров с Александром Григорьевичем Лукашенко и с Канцлером Меркель, они готовы друг с другом поговорить* (В. Путин, Большое интервью каналу «Россия», 13 ноября 2021 года).

Местоимение я необходимо для акцентирования внимания слушателей на позиции оратора, его причастности к тем или иным действиям.

Уважаемые коллеги, в заключение я хотел бы вновь подчеркнуть: устойчивое развитие Каспийского региона, повышение уровня жизни его жителей, без сомнения, всегда было и остаётся приоритетной задачей сотрудничества государств «пятёрки». И Россия готова принимать в этой работе самое активное участие (В. Путин, Шестой Каспийский саммит, 29 июня 2022 года).

Употребление местоимения я связано с выражением намерений, интенций политика, содержание которых ориентировано на других субъектов:

Поэтому я жду, что в следующем выступлении Вы поставите уже социалистические задачи. И я думаю, активно поддержит даже «Единая Россия» (Г. Зюганов, Встреча с руководством Госдумы и главами фракций, 7 июля 2022 года).

- **Инклюзивное мы**

Однако чаще политики используют личное местоимение *мы*, которое выражает идею коллективного адресанта. Личное местоимение I лица множ. числа помогает представить некую точку зрения не как единичную, принадлежащую только субъекту речи. В этих случаях мы имеем дело с инклюзивным *мы*, которое объединяет в своей семантике адресанта и адресата сообщения. Создается эффект коллективного отправителя сообщения. Здесь реализуется собирательное значение, когда адресант сообщения (политик) представляет свою точку зрения, точку зрения своей партии как собирательную, коллективную точку зрения, тем самым подчеркивая, что он выражает не только свою позицию, но и мнение партии/страны.

Интересен в этом аспекте следующий пример: *Вообще, почему у меня родилась такая идея? Мы в своей обычной жизни занимаемся своей работой, воспитанием детей, какими-то хобби – как правило, особенно не задумываемся над вопросами подобного свойства и характера, которые изложены в этом материале. А ситуация требовала того, чтобы мы посмотрели повнимательнее на то, в каком мире мы живём, кто мы такие, каковы отношения с нашими ближайшими родственниками и соседями* (В. Путин, Об Украине, единстве, свободе государств, 13 июля 2021 года).

Как мы видим, вначале политик предлагает идею (употреблено личное местоимение I лица ед. ч. – *у меня*), но в дальнейшем везде употребляется личное местоимение множ. числа, для того чтобы подчеркнуть: идея имеет всеобщую значимость. Это случаи, когда политик хочет разделить свою ответственность с народом или показать и акцентировать свое единство с ним.

Эпидемия наступала. Но наряду с естественной большой тревогой у меня лично была твёрдая уверенность в том, что мы обязательно преодолеем все испытания (В. Путин, Послание Президента Федеральному собранию, 21 апреля 2021 года).

В подобных случаях *мы* имеет значение «каждый из нас», подчеркивает единство и солидарность, консолидацию, народу внушается, подчеркивается, что его – народа – интересы учитываются и имеют первостепенное значение:

Самое главное, что все трудности уходящего года мы преодолевали вместе. Защитили тех, кто оказался в сложной ситуации, в первую очередь поддержали людей старших поколений и семьи, где растут дети – будущее России. Мы твёрдо и последовательно отстаивали наши национальные интересы, безопасность страны и граждан. В короткие сроки восстановили экономику и по многим позициям выходим сейчас на реализацию стратегических задач развития (В. Путин, Новогоднее обращение к гражданам России, 31 декабря 2021 года).

Отметим такую особенность личных местоимений, как семантика множественного числа. Множественное число личных местоимений отличается от множественного числа существительных: *мы* – это не много я, а

я + кто-то другой, множество лиц, в которое входит и говорящий. И определить, что именно это за множество лиц, в политическом дискурсе не всегда бывает просто и однозначно.

В своей книге «Лингвистическая прагматика» Б.Ю. Норман приводит цитату Л. Рубинштейна, ярко демонстрирующую неопределенность второй составляющей *мы*, что и приводит к речевой манипуляции:

Когда журналист в телевизоре говорит мне что-то вроде того, что «наша политика в Закавказье должна» или «мы не можем допустить, чтобы», мне хочется сказать ему: «слушай, дорогой. Кто это «мы»? Это ты вкупе с президентом, его администрацией, с его армией и тайной полицией? Так так и говори. А я тебе – не «мы». У меня, знаешь ли, свои «мы»... (Норман, 2009, с.59).

В отличие от местоимения *я*, однозначно относящегося к субъекту речи, прономинант *мы* обладает менее четкой референтной связью. Семантика местоимения *мы* более сложна, поскольку оно обладает значительным прагматическим потенциалом и считается очень коварной лексической единицей. Обозначая говорящего и кого-то другого, оно оставляет неясным, кого другого. (Крапивкина, 2018, с.91).

Именно ввиду этой неоднозначности, неопределенности второго компонента, входящего в семантику *мы*, говорящий (по мере необходимости) уточняет, кто входит в группу, обозначенную им местоимением *мы*:

Мы не просто семь, почти восемь лет этим занимались. Когда я говорю «мы», имею в виду Россию, и ваш покорный слуга был автором документов. И поэтому, хочу ещё раз это подчеркнуть, мы были заинтересованы в реализации этого Комплекса мер (В. Путин, Ответы на вопросы журналистов, 22 февраля 2022 года); Поэтому, как мне представляется, мы этот факт как члены Совета Безопасности игнорировать не можем (Д. Медведев, Заседание Совета Безопасности, 21 февраля 2022 года); Я в данном случае имею в виду, Владимир Владимирович, даже не русский мир, который мы всячески опекаем, помогаем, поддерживаем, а граждан Российской Федерации. Граждан, которые живут в другой стране. Это наши с вами люди (Д. Медведев, Заседание Совета Безопасности, 21 февраля 2022 года).

Таким образом, каждый раз местоимение *мы* образует свою собственную референцию.

Местоимение *мы* выражает единство оратора и слушателя, демонстрирует единство политика с народом. Местоимение *мы* способствует тому, чтобы адресат понял: выступающий такой же, как и он сам, выступающий – «один из нас». И поэтому, даже используя личное местоимение ед. ч. *я*, политики предпочитают в дальнейшем перейти на *мы*, *наш*:

Но вот я о чём подумал, и, думаю, вы это тоже понимаете: когда ребёнку исполнится три года, установленные выплаты прекращаются, и, значит, семья

*сразу же может попасть в сложную ситуацию с доходами. Это, собственно говоря, и происходит. Этого нельзя допустить. <...> Мы с вами хорошо знаем по своим детям, по своим внукам. Ребятишки в этом возрасте, что называется, знакомятся с вирусами, часто болеют (В. Путин, Послание Президента Федеральному собранию, 15 января 2020 года); Всё-таки **наша** последовательная разъяснительная работа и приверженность разъяснению **нашей** правоты при готовности выслушать какие-то серьёзные встречные аргументы, **мне** кажется, **наши** возможности далеко не исчерпаны. Они, конечно, не должны продолжаться бесконечно, но на данном этапе **я бы предложил их продолжать и наращивать** (С. Лавров, Встреча с главой МИД России Сергеем Лавровым, 14 февраля 2022 года).*

Использование местоимения *мы* свидетельствует о приоритете коллектива. Как отмечают Б.Ю. Норман и А.М. Плотникова, «личное местоимение *мы* является эталонным морфологическим средством для выражения коллективной идентичности». (Норман, Плотникова, 2016, с.127). Отдавая предпочтение личному местоимению *мы*, политик подчеркивает, что он выражает не свое личное мнение, а мнение всей партии/страны. Местоимение *мы* объединяет в своей семантике отправителя и получателя сообщения.

*Духовно-нравственные ценности, о которых в ряде стран уже забывают, нас, напротив, сделали сильнее. И эти ценности **мы** всегда будем отстаивать и защищать* (В. Путин, Послание Президента Федеральному Собранию, 21 апреля 2021 года); *Проблем – море, и всё-таки море – это океан, он везде, по всему миру расплескался. Но можно с уверенностью сказать, что **мы** встретили эти проблемы достойно и отчасти даже, может быть, лучше, чем в других странах мира, которые по праву гордятся и устойчивостью своей экономики, и развитием своих социальных служб и систем здравоохранения* (В. Путин, Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина, 17 декабря 2020 года), ***Мы все одинаково заинтересованы в том, чтобы в парламент пришли ответственные, деятельные, авторитетные люди, способные держать слово, выполнить ваши указы и свои обещания, оправдать надежды и доверие граждан России*** (В. Путин, Обращение к гражданам России, 6 сентября 2021 года).

Во всех приведенных примерах использовано инклюзивное *мы*. В подобных случаях политик пытается привлечь аудиторию на свою сторону, наряду внушается мысль о его сопричастности к миру политики.

Показателями инклюзивности, принадлежности к лагерю «своих» являются также следующие лексемы:

- лексемы совместности *вместе, все, единство, союз* и др.:

*Вот давайте будем все **вместе** двигаться по этим направлениям* (В. Путин, Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2021 года); *Сейчас страна проходит через очередную череду испытаний, и **все***

мы знаем, как внимательно весь мир и наша страна относятся к тому, что происходит в гражданской сфере (В. Путин, Встреча с выпускниками военных вузов, 21 июня 2022 года).

- обращения с коннотацией «я свой» (коллеги, соотечественники, сограждане, друзья и т.д.):

Я хочу поблагодарить и поздравить наших коллег в регионах за эту работу (Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2022 года); *Добрый день, дорогие друзья* (Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года); *Товарищи офицеры! Дорогие друзья!* (В. Путин, Встреча с выпускниками военных вузов, 21 июня 2022 года).

- формулы причастности (*Я, как все...*):

Но общения с близкими, друзьями, коллегами, с которыми нужно совсем встретиться, рядом посидеть, – этого, конечно, не хватает. Я думаю, что так же, как и любому другому человеку (Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2021 года).

Все эти лексемы способствуют достижению эффекта единства с аудиторией, электоратом. Инклюзивное *мы* помогает политику создать видимость общих интересов, что в свою очередь усиливает воздействие на электорат. При манипулятивном воздействии очень важно установление контакта. Е. Шейгал пишет об использовании в таких случаях приема, называемого в нейролингвистическом программировании «присоединением», он «широко используется в политической демагогии при обращении лидера к народу в целях отождествления себя с ним и представления себя в качестве выразителя и защитника его интересов». (Шейгал, 2000, с.160).

- **Эксклюзивное *мы***

В политическом дискурсе используется и эксклюзивное *мы*, когда местоимение создает эффект отдаления, разделения адресата и адресанта. В эксклюзивном значении *мы* противопоставлено местоимению II лица множ. числа *вы* и местоимению III лица множ. числа *они*, что создает дихотомию «свой-чужой», «мы – они».

Мне кажется, что Соединённые Штаты совершают очень большую ошибку, что используют доллар в качестве санкционного инструмента. А они это делают, так как препятствуют расчётам в долларах за санкционную продукцию. Просто нам невозможно получить деньги клиентов за поставленную продукцию в долларах. К чему это приводит? Мы вынуждены просто, у нас нет другого выбора, мы просто вынуждены переходить к расчётам в других валютах (В. Путин, Интервью телеканалу CNBC, 14 октября 2021 года).; *Но мы, повторяю, тоже в это не лезем. Всё это продиктовано внутренними процессами политического характера, внутривнутриполитическими вопросами, проблемами самих Соединённых Штатов. <...> В известной степени это льёт, как у нас в народе*

говорят, воду на нашу мельницу. Но, повторяю, это всё-таки не **наше** дело, пусть **они** там разбираются между собой так, как считают нужным в контексте происходящих событий (В. Путин, Интервью телеканалу «Россия», 7 октября 2020 года); Это **наши** праздник. Я думаю, что для **наших** бывших союзников по антигитлеровской коалиции и внутривосточными, и в моральном смысле было бы правильно к **нам** приехать. **Мы** ждём и будем рады, если **они** приедут. Если нет – это **их** выбор. Но это, мне кажется, и для **них** было бы ошибкой (В. Путин, О памяти о Великой Отечественной войне, Сталине и Гитлере, интервью ТАСС, 10 марта 2020 года).

Местоимения (в основном это эксклюзивное *мы*), таким образом, являются в политическом дискурсе эксплицитным способом реализации дихотомии «свой-чужой». И это, несомненно, делает речь политика более экспрессивной, более действенной и более запоминающейся. По словам Е.И. Шейгал, «оппозиция «свой – чужие» или «друг – враг» является базовой для политического дискурса так же, как оппозиция «добро – зло» является базовой для области морального, «прекрасное – безобразное» в области эстетического, «полезное – вредное» или «рентабельное – нерентабельное» – в сфере экономического». (Шейгал, 2000, с.150).

«В политическом дискурсе выбор инклюзивного или эксклюзивного значения местоимения *мы* оказывается особо значимым. Дейкитические пары «мы – они», «мы – вы» являются носителями объединения или отчуждения и, по сути, входят в «формулу власти». (Синельникова, 2020, сс.25-26).

Как справедливо отмечает Ю.Э. Галямина, обозначение «своих» в языке более грамматикализовано, чем обозначение «чужих» (Галямина, 2016, с.154). «Чужие» могут быть названы поименно, но чаще используются местоимения – личные местоимения III лица множ. числа, а также неопределённые местоимения:

*И мы знаем о планах **некоторых** стран разместить оружие в космосе. Я хочу услышать о том, как будет купирована и эта возможная угроза (с Лавровым); По сути, это действия государственных структур, и мы знаем с вами, что в состав армий **некоторых** стран уже вполне официально входят кибервойска* (В. Путин, Заседание Совета безопасности, 20 мая 2022 года);

Также показателями «чужих» могут быть дисфемизмы, сниженная лексика:

*В некоторых странах завели **пренебрежительный** обычай – по любому поводу, а чаще всего вообще без всякого повода цеплять Россию* (В. Путин, Послание Президента Федеральному Собранию, 21 апреля 2022 года).

В языковом отношении «свое» предстает в семантическом окружении единиц с позитивной оценкой, а «чужое» и вообще «другое» оценивается

негативно. Здесь нет промежуточных возможностей, но только полярные противопоставления типа «Победа или смерть»; «Кто не с нами – тот против нас». (Чернявская, 2006, с.52).

«Свойственность» и «чуждость» передают также местоименные наречия *здесь* и *там*: *Демократические процедуры, выборы в той же Европе, – честно говоря, иногда смотришь на то, что там происходит, какие силы приходят к власти, – всё это похоже на ширму, потому что друг друга у власти меняют похожие как близнецы политические партии.* (В. Путин, Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 17 июня 2022 года); *Пытаются ограничить наши энергоносители – опять цены взлетели до небес просто. Там уже моим именем называют инфляцию.* (В. Путин, Встреча с молодыми предпринимателями, инженерами и учёными, 9 июня 2022 года); *Просто там решения были приняты парламентом, а здесь – на общенародном референдуме.* (В. Путин, Владимир Путин ответил на вопросы журналистов, 22 февраля 2022 года); *Здесь люди гибли, применялось автоматическое оружие, танки стреляли по парламенту. И в этих условиях была принята Конституция. Память такая, что стараемся выкинуть из памяти самое плохое, но это было, и было не где-то там, а здесь, у нас.* (В. Путин, Ежегодная пресс-конференция Владимира Путина, 17 декабря 2020 года).

В подобных случаях местоимения и наречия выполняют агональную функцию, т.е. когда политик стремится сформировать отрицательный образ «чужих». Однако наиболее частотным и экспрессивным является употребление эксклюзивного *мы* для реализации дихотомии «свой-чужой».

Основной целью политического дискурса является борьба за власть, содержание которой, как отмечает Шейгал, может быть сведено к трем составляющим: «формулировка и разъяснение политической позиции (ориентация), поиск и сплочение сторонников (интеграция) и борьба с противником (агрессия как проявление агональности)». (Шейгал, 2000, с.197).

Исследователи отмечают, что для идентификации своей и чужой групп в политическом дискурсе используются эвфемизмы (для формирования положительного образа «своих») и дисфемизмы (для формирования образа «чужих», вызывающего ненависть). «Свои» – это мы, «правильные», положительные, соответствующие норме, «чужие» – это они, «неправильные», отрицательные, не соответствующие норме. Особенностью личных местоимений является то, что они совмещают в себе обе эти функции. Личные местоимения I и III лица ярче всего эксплицируют дихотомию «свой-чужой»:

Они очень хотели, чтобы всё, что происходит, отразилось на внутривнутриполитических процессах в Российской Федерации. Они всегда просчитываются, не понимая, что в сложных условиях российский народ, русский народ всегда спланивается. Они увидят это, а у них у самих проблемы неизбежны. Они и нам хотят создать эти проблемы, и создают.

Да, в некоторых отраслях будет непросто, но мы справимся с этими сложностями (В. Путин, Совместная пресс-конференция с Президентом Белоруссии Александром Лукашенко, 12 апреля 2022 года).

Целью политического дискурса является не описание, а убеждение, стремление не информировать, а сообщить тому или иному явлению/ субъекту/объекту оценочность, оказать эмоциональное воздействие на адресата. Оценочность же напрямую связана с дихотомией «свой-чужой», и личные местоимения являются эффективным способом экспликации этой дихотомии и одним из важнейших средств убеждения адресата в своей правоте. Примечательно, что личные местоимения, обычно не содержащие в себе оценки, наделяются в политическом дискурсе оценочными коннотациями и выражают один из главных постулатов политического дискурса: «свое (мы, наше) – хорошо, а чужое (они, их) – плохо». В политическом дискурсе личные местоимения служат для манифестации «своих» оценок, «своих» позиций, противостоящим «чужим» и для эффективного воздействия на адресата – основной цели любого политического дискурса.

Выводы

Личные местоимения являются одним из наиболее эффективных средств реализации манипулятивной функции политического дискурса. Выбор политиком того или иного местоимения не является случайным: выбор обусловлен преследованием своих политических целей, стремлением убедить адресата, оказать на него эмоциональное воздействие. Личные местоимения обладают богатым прагматическим и манипулятивным потенциалом. Они способны выражать самые разнообразные значения, вплоть до прямо противоположных. Так, местоимение *мы* может быть использовано в инклюзивном употреблении и выражать собирательное значение, когда политик представляет свою точку зрения как коллективную, когда происходит объединение адресата и адресанта (значение коллективной идентичности). С другой стороны, эксклюзивное *мы* создает обратный эффект: не единства говорящего и слушателей, а их разделения. Именно в этом употреблении личные местоимения являются репрезентаторами одной из фундаментальных оппозиций политического дискурса – дихотомии «свой-чужой».

Местоимения придают речи политика эмоциональность, убедительность, экспрессивность, выразительность, однако главной их функцией в политическом дискурсе является их способность к эффективному манипулированию общественным мнением для достижения основной цели политической коммуникации – борьбы за власть/сохранения власти. При выборе языковых средств вообще и личных местоимений в частности политик ориентируется на достижение основной функции политического дискурса – оказание речевого и эмоционального воздействия и убеждение адресата.

ИСТОЧНИКИ

www.kremlin.ru - официальное интернет-представительство Президента России.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бенвенист, Э., 1974. *Общая лингвистика*. Перевод с французского Ю.Н. Караулова. Москва: Прогресс.

Галямина, Ю.Е., 2016. Мы – они: как в дискурсе Владимира Путина разных лет конструируется идентичность. *Полис. Политическая наука*. № 5, сс. 152-167.

Касаткин, П.И. и Романенко, А.В., 2019. Риторика политических лидеров России и США: сравнительный анализ. *Полис. Политические исследования*, № 5, сс. 167-180.

Крапивкина, О.А., 2018. Прагматический потенциал местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*, № 3, сс.90-98.

Норман, Б.Ю., 2009. *Лингвистическая прагматика. На материале русского и других славянских языков. Курс лекций*. Минск: БГУ.

Норман, Б.Ю. и Плотникова, А.М., 2016. Конструкции с местоимением *мы*: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, № 6 (34), сс.126-138.

Синельникова, Л.Н., 2020. Дискурсивная семантика личных местоимений. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*, №2, сс.21-28.

Шейгал, Е.И., 2000. *Семиотика политического дискурса*. Волгоград: Перемена.

Шелякин, М.А., 1978. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке. *Ученые записки Тартуского университета. Тарту*, вып. 442, сс. 3-22.

Чернявская, В.Е., 2006. *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы реального воздействия*. Москва: Флинта.

REFERENCES

Benveniste, É., 1974. *Obshchaya lingvistika* [Problems in general linguistics]. Moscow: Progress. (in Russian).

Galiamina, J. Ye., 2016. Мы – они: kak v diskurse Vladimira Putina raznykh let konstruiroetsya identichnost' [We - they: how identity is constructed in Vladimir Putin's discourse in different years]. *Politicheskaya nauka*. [Political science]. № 5, pp. 152-167. (in Russian).

Kasatkin, P.I. i Romanenko, A.V., 2019. Ritorika politicheskikh liderov Rossii i SShA: sravnitel'nyy analiz [The Rhetoric of the political leaders of Russia and the U.S.: a comparative analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], №5, pp. 167-180. (in Russian).

Krapivkina, O.A., 2018. Pragmaticheskiy potentsial mestoimeniya my v yuridicheskikh diskursivnykh praktikakh [Pragmatics of the we-pronoun in Russian legal discourse]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»*, № 3, pp. 90-98. (in Russian).

Norman, B.Yu., 2009. *Lingvisticheskaya pragmatika. Na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov. Kurs lektsiy* [Linguistic pragmatics. On the material of Russian and other Slavic languages. Lecture course.]. Minsk: BSU. (in Russian).

Norman, B.Yu. i Plotnikova, A.M., 2016. Konstruktsii s mestoimeniem my: formirovanie aktual'noy ili okkazional'noy kollektivnoy identichnosti [Construc-

tions with the pronoun we: the formation of an actual or occasional collective identity [Structures with the pronoun “we”: formation of actual and occasional collective identity]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], № 6 (34), pp.126-138. (in Russian).

Sinelnikova, L.N., 2020. Diskursivnaya semantika lichnykh mestoimeniy [Discourse semantics of personal pronouns]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], №2, pp.21-28. (in Russian).

Sheygal, E.I., 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena. (in Russian).

Shelyakin, M.A., 1978. O semantike i upotreblenii neopredelennykh mestoimeniy v russkom yazyke. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* [Transactions of the Tartu State University]. Tartu, vyp. 442, pp. 3-22. (in Russian).

Chernyavskaya, V.E., 2006. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence]. Moscow: Flinta. (in Russian).

ԴԻԱԼԱ ԳԱԶԱՐՈՎԱ – Անձնական դերանունների գործարանական և մանիպուլյատիվ պոտենցիալը քաղաքական խոսույթում – Դերանունները, իրենց հիմնական դեյկտիկ նշանակությունից զատ, տարբեր գործառույթներ են կատարում քաղաքական խոսույթում: Դրանք հասարակության մանիպուլյացիայի հիմնական և արդյունավետ միջոցներից են: Թե ինչ դերանուն է ընտրում քաղաքական գործիչը իր խոսքում, կախված է տարբեր գործոններից՝ քաղաքական, աշխարհաքաղաքական, սոցիալական, հոգեբանական և այլն: Դերանունների օգտագործումը քաղաքական գործչի խոսքը դարձնում է ավելի արտահայտիչ և ավելի արդյունավետ իշխանության համար պայքարի կամ իշխանությունը պահպանելու գործընթացում, ինչը քաղաքական խոսույթի հիմնական նպատակն է: Անձնական դերանունները քաղաքական խոսույթում արտահայտում են ամենատարբեր իմաստներ, ընդհուպ տրամագծորեն հակառակը: Այսպիսով, օրինակ, *մե* անձնական դերանունը կարող է արտահայտել և՛ միասնության, և՛ համերաշխության գաղափար (ներառյալ՝ ինկլյուզիվ *մե*), և՛ ընդհակառակը՝ բաժանման գաղափար (բացառիկ էքսկլյուզիվ *մե*): Անձնական դերանունները նպաստում են «յուրային-օտար» դիխոտոմիայի ձևավորմանը, որը քաղաքական խոսույթի կարևորագույն բաղադրիչ է: Անձնական դերանունները քաղաքական խոսույթում ստանում են գնահատողական երանգ և արտահայտում են քաղաքական խոսույթի հիմնական պոստուլատներից մեկը. յուրայինը (մենք, մերը) լավն է, իսկ օտարը (իրենք, իրենցը)՝ վատը: Անձնական դերանուններն օգնում են քաղաքական գործչին համոզելու ժողովրդին/ընտրողին, որ նրա շահերը հաշվի են առնվում, որ քաղաքական գործիչն ու ժողովուրդը միասնական են, որ իրենք ունեն ընդհանուր շահեր, և այդ ամենը ուժեղացնում է խոսքային և զգացմունքային ազդեցությունը ընտրողների վրա:

Բանալի բառեր – քաղաքական խոսույթ, անձնական դերանուններ, «յուրային-օտար», ինկլյուզիվ *մե*, էքսկլյուզիվ *մե*